

УДК 1(091)
DOI 10.17223/1998863X/30/24

В.А. Суровцев

О ВОЗМОЖНОСТИ ДВУХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ОПРЕДЕЛЁННЫХ ДЕСКРИПЦИЙ*

Рассматривается проблема двух различных интерпретаций определённых дескрипций, как она представлена в статье Е.В. Борисова «О двух интерпретациях определённых дескрипций», где последние могут рассматриваться как сингулярные термины и индивидуализирующие предикаты. Этим интерпретациям, с точки зрения Е.В. Борисова, соответствуют идентификационная и предикативная интерпретация связи. Анализируются возможности такого подхода и обосновывается тезис, что этот подход возможен только при условии игнорирования различия первичного и вторичного вхождения логических констант в высказывания, содержащие обозначающие фразы. Обосновывается, что реляционное понимание связи в общем случае не устранимо, если необходимо сохранить различие первичного и вторичного вхождения логических констант в высказывания, использующие определённые дескрипции.

Ключевые слова: определённая дескрипция, отрицание, сингулярный термин, предикат, тождество, Рассел, Борисов.

При известной удаче можно вызвать демонов.
Можно даже заставить их выполнить какое-то поручение.
Если повезёт, можно даже благополучно от них избавиться.
Но иногда они возвращаются.
Стивен Кинг. Иногда они возвращаются

В своей работе «О двух интерпретациях определённых дескрипций» [1] Е.В. Борисов предлагает интересный способ понимания сингулярных обозначающих фраз в том смысле, как, по его мнению, это может быть представлено с точки зрения работы Б. Рассела «Об обозначении» [2]. Цель данной статьи высказать некоторые замечания по поводу данной интерпретации.

Подход Е.В. Борисова связан с принципиальной возможностью устранения одного из вхождений тождества в контекстах, где употребляются сингулярные обозначающие фразы. Речь, прежде всего, идёт об определённых дескрипциях, и она направлена против точки зрения, высказанной в моей статье [3], что тождество необходимо не только для указания на единственность, но выполняет и некоторые иные функции, поскольку часть сингулярной дескриптивной фразы, которая указывает на единственность выполняющего её предмета, недостаточна. В дескриптивных фразах, как считаю я, на самом деле присутствует некоторая «двусмысленность», которая не устраняется подходом, предложенным Е.В. Борисовым. Следует отметить также, что затрагиваемые в этом случае вопросы касаются как историко-философской экзегезы относительно взглядов самого Б. Рассела, так и собственно семантики некоторых выражений.

* Работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

Сингулярные обозначающие фразы или определённые дескрипции представляют собой указание на фиксированный объект посредством его описания. Этот способ отличается от указания на объект посредством имени. Так, выражение «автор *Уэверли*» обозначает свой объект иным способом, нежели прямое указание на объект в случае использования имени «Скотт». На этом основании можно сказать, что случаи вхождения двух этих фраз в одно и то же выражение будут существенно отличаться. Возьмем, к примеру, высказывание «Скотт является автором *Уэверли*». В данном случае имя «Скотт» указывает на определённый объект в отличие от описательного выражения «автор *Уэверли*», которое специфицирует данный объект через указание на его свойство. В целом же необходимо различать, каким образом эти разные категории выражений сказываются на оценке истинности данного высказывания. При каких условиях высказывание «Скотт является автором *Уэверли*» будет истинным или ложным?

Как представляется, установление истинности данного высказывания, в соответствии с принципами, принятыми Б. Расселом, связано с возможностью указания того, на какие вопросы относительно данного высказывания можно ответить либо положительно, либо отрицательно. Суть этих вопросов относится к тому, при каких условиях данное высказывание можно опровергнуть или подтвердить. Высказывание «Скотт является автором *Уэверли*» было бы ложным, если бы прежде всего Скотт не был автором *Уэверли*. Однако оно оказалось бы ложным и в том случае, если бы никакого автора *Уэверли* не существовало или их было бы несколько. Действительно, несуществование автора *Уэверли*, как и их множественность, в данном случае не привело бы к установлению истинности. Высказывание «Скотт является автором *Уэверли*» было бы ложным в случаях, если бы никакого автора не существовало, он был бы не один, и Скотт не был бы автором *Уэверли*.

Интерпретировать возможность установления истинности или ложности высказывания «Скотт является автором *Уэверли*» тем не менее можно по-разному. Характер вопросов, представленных абзацем выше, может быть подвергнут сомнению уже потому, что некоторые из них могут показаться излишними. В частности, таким может показаться вопрос о существовании самого автора *Уэверли*, поскольку он имплицитно содержится в вопросе о единственности такого автора. Здесь как раз и возникает проблема.

Полная запись высказывания «Скотт является автором *Уэверли*», которая предполагает ответы на все поставленные выше вопросы, при условии стандартной формализации, выглядит следующим образом:

$$(1) \quad \exists x (\text{автор } \textit{Уэверли} (x) \ \& \ \forall y (\text{автор } \textit{Уэверли} (y) \supset x = y) \ \& \ x = \text{Скотт}),$$

здесь первый конъюнкт указывает на принципиальное существование автора *Уэверли*, второй – на его единственность, третий – на то, что этим автором как раз и был Скотт. Установление ложности любого из конъюнктов приводит к ложности всего высказывания. Но, быть может, какой-то компонент здесь является излишним? Действительно, если автором *Уэверли* был Скотт, а он действительно им и был, то вопрос о его существовании представляется надуманным. Если имя «Скотт» обозначает реального человека, то (1) долж-

на быть переформулирована в том смысле, что Скотт, и только он один, написал *Уэверли*. А значит, её можно записать следующим образом:

(2) Автор *Уэверли* (Скотт) & $\forall x(\text{автор } \textit{Уэверли} (x) \supset x = \text{Скотт})$.

Как видим, при таком подходе получается существенная экономия в средствах формализации. Исчезают квантор существования и одно из тождеств. На этом и настаивает Е.В. Борисов. Суть его аргументации с опорой как на сугубо семантические, так и на экзегетические аргументы заключается в экономии средств и основана на следующих и, надо сказать, очень убедительных, соображениях.

Свою статью он начинает с того, что определённая дескрипция типа «автор *Уэверли*» «сочетает в себе черты предиката и сингулярного термина», поскольку «непосредственным образом определённая дескрипция указывает на некоторое свойство, что роднит ее с предикатами», и при этом «определённая дескрипция содержит в себе условие единственности, что позволяет использовать ее для указания на объект, являющийся единственным носителем соответствующего свойства» [1. С. 203]. Эта двойственность, как предлагается далее в его статье, позволяет интерпретировать сингулярную обозначающую фразу, каковой является определённая дескрипция как в качестве индивидуализирующего предиката, так и в качестве сингулярного термина. Это различие достаточно существенно, и Е.В. Борисов предлагает «называть такие интерпретации *предикативной* и *объектной* соответственно» [1. С. 203]. Существенность различия заключается прежде всего в том, что «если мы интерпретируем дескрипцию как индивидуализирующий предикат, то связка получает предикативное значение; объектная же интерпретация дескрипции требует идентификационной интерпретации связки» [1. С. 203].

Подтверждение своего подхода к сингулярным обозначающим фразам Е.В. Борисов находит и в тексте Б. Рассела [2], и это очень красивый экзегетический момент. Действительно, в тексте Рассела интерпретация высказывания «Скотт является автором *Уэверли*» неоднозначна. В его работе есть две важные в нашем случае цитаты, в которых он её интерпретирует. Первая из них: «Одна и только одна сущность написала *Уэверли*, и Скотт тождествен этой сущности» [2. С. 17]. Вторая: «Скотт написал *Уэверли*, и всегда истинно для y , что если y написал *Уэверли*, то y тождествен Скотту» [2. С. 21]. Символическое выражение этих фраз согласуется с приведёнными выше выражениями (1) и (2) соответственно. Используя цитаты из статьи Рассела, Е.В. Борисов стремится обосновать свою точку зрения и, надо сказать, делает это вполне убедительно: «В (1) определённая дескрипция получает объектную интерпретацию, а связка – идентификационную; в (2) фигурирует только один сингулярный термин (имя «Скотт»); дескрипция же выполняет функцию предиката и связка, соответственно, имеет предикативное значение» [1. С. 203]. Это различие, с точки зрения Е.В. Борисова, с которой нельзя не согласиться, прежде всего, затрагивает характер вхождения тождества в соответствующие интерпретации высказывания «Скотт является автором *Уэверли*». В его статье утверждается: «В (2) тождество (знак « $=$ ») входит только в условие единственности ($\forall y (\text{автор } \textit{Уэверли} (y) \supset y = x)$), тогда как

в (1) тождество входит как в условие единственности, так и в предложение « $x = \text{Скотт}$ » [1. С. 203].

Пока все идёт хорошо, и Е.В. Борисов предлагает очень полезную вещь. Он предлагает различать разные вхождения тождества на том основании, что они выполняют различные функции и для различия этих функций удобно применять разные термины. Различие в терминологии заключается в следующем: «Нам будет удобно иметь специальные термины для различения этих вхождений тождества; тождество в контексте условия единственности будем называть *индивидуализирующим*; тождество, выражаемое связкой соответствующего предложения (когда она имеет идентификационное значение), будем называть *реляционным*» [1. С. 204]. И это различие очень удобно, коль скоро речь идёт о некоторых разногласиях.

А разногласия, собственно, сводятся к следующему: Во всех ли контекстах, которые предполагаются при верификации высказывания «Скотт является автором *Узверли*» запись этого высказывания в стиле (1) сводима к его записи в стиле (2)? Можно ли вообще отказаться от *реляционного* тождества, сохранив только *индивидуализирующее*? То есть можно ли сделать так, чтобы во всех, ну, или не во всех, а в наиболее значимых контекстах (1) заменялась бы на (2) и ничего не происходило? Можно ли устранить одно из вхождений тождества так, чтобы оно не сказывалось на понимании всей сингулярной обозначающей фразы? Е.В. Борисов, считает, что это сделать можно. И, собственно, переделать (1) в (2) не только можно, но и во многих случаях нужно, поскольку тождество и существование в (1) являются излишними.

Формулируя мой тезис, Е.В. Борисов пишет следующее: «Тезис В.А. Суровцева состоит в том, что: 1) реляционное тождество присутствует в предложениях указанной формы существенным образом, поэтому 2) определенные дескрипции в таких предложениях могут иметь *только* объектную интерпретацию, а связки – *только* идентификационную» [1. С. 204], и противопоставляет этому тезису свой: «Мой контр-тезис таков: во всех предложениях указанной формы 1) реляционное тождество может быть редуцировано, поэтому 2) как определенные дескрипции, так и связки допускают предикативную интерпретацию» [1. С. 204].

Соглашаясь с Е.В. Борисовым, что во многих случаях определённые дескрипции могут допускать предикативную интерпретацию, всё-таки нельзя согласиться с тем, что реляционное тождество может быть редуцировано. (1) не может быть заменено на (2) в общем случае. Причины касаются как семантических соображений, так и экзегетических комментариев относительно позиции Рассела. Начнем со второго.

Комментарий к Расселу в данном случае касается его примеров высказываний, где в качестве субъекта утверждения входят определённые дескрипции. Важный в данном случае пример относится к нынешнему королю Франции. В своей статье Рассел задаёт вопрос, лыс или не лыс нынешний король Франции [2. С. 18]? Ответ, в любом случае, будет выглядеть двусмысленным. Что значит, лыс или не лыс? Ведь нынешнего короля Франции не существует. Возникает вопрос, каким образом интерпретировать эту фразу? Здесь самое важное – в понимании вхождения в эту фразу отрицания, которое можно интерпретировать двояко. Лысость короля Франции Б. Рас-

сел интерпретирует с точки зрения различного понимания того, к чему относится отрицание. Отрицание может относиться как к тому, что вообще такой король существует, так и к тому, что он лыс. Рассел делает следующий вывод: во всех контекстах, где встречается отрицание, если оно комбинируется с описанием некоторого конкретного предмета, необходимо различать, к чему именно это отрицание относится. Одно дело, когда мы говорим о лысости или о нелысости некоторого конкретного человека, и совсем другое дело, когда мы говорим о его существовании. Это сказывается на характере верификации подобного рода утверждений. Высказывание о том, что нынешний король Франции – лыс, может быть, таким образом, фальсифицировано разными способами. Первый из них состоит в том, чтобы утверждать, что он – не лыс, но это – бессмысленно уже потому, что никакого нынешнего короля Франции – нет. Способ фальсифицировать это утверждение заключается в том, чтобы утверждать несуществование такой личности. И здесь Б. Рассел вводит очень важное различие, а именно различие между отрицанием, относящимся ко всему высказыванию, и отрицанием, относящимся к некоторой его части. Данные различия можно назвать первичным и вторичным вхождением отрицания. Сам Рассел называет такие вхождения также широкой и узкой сферой (scope) применения отрицания¹. Суть, ещё раз, заключается в следующем. Фальсификация высказывания «Нынешний король Франции лыс» может ориентироваться на то, что такового короля не существует, и это первичное вхождение отрицания, или на то, что он – не лыс, и это вторичное вхождение отрицания. В любом случае, если что-то приходится отрицать, отрицание, как логический союз, будет касаться либо существования вообще, либо приписывания какого-то особого свойства в частности. То есть запись отрицания того, что нынешний король Франции лыс, с точки зрения Рассела, может быть представлена в двух различных формах:

(3) $\sim \exists x$ (нынешний король Франции (x) & $\forall y$ (нынешний король Франции $(y) \supset x = y$) & лыс (x))

и

(4) $\exists x$ (нынешний король Франции (x) & $\forall y$ (нынешний король Франции $(y) \supset x = y$) & \sim лыс (x)).

Как видно, широкая и узкая сферы действия отрицания приводят к различным условиям верификации утверждения о лысости нынешнего короля Франции.

Речь об отрицании здесь затрагивается не просто так. Она как раз и касается возможных интерпретаций высказывания «Скотт является автором *Уэверли*».

Предположим, что некто отрицает авторство Скотта относительно романа *Уэверли*, т.е. он настаивает на том, что высказывание «Скотт является автором *Уэверли*» – ложно. Что здесь может предполагаться? А подобного рода предположение имеет важное значение в интерпретации данной фразы, поскольку оно уже включает отрицание. То есть оно предполагает, что ве-

¹ Различие широкой и узкой области подробно рассматривается в [4]. См. также: [5] и [6].

рификация высказывания «Скотт является автором *Уэверли*» предполагает также и то, что будет фальсифицировано высказывание «Неверно, что Скотт является автором *Уэверли*». Это последнее высказывание, как и в случае нынешнего лысого короля Франции, может предполагать двоякое вхождение отрицания. Оно может предполагать широкую и узкую сферу действия. Тогда по аналогии с (3) и (4) отрицание (1) можно записать так:

$$(1') \sim \exists x (\text{автор } \textit{Уэверли} (x) \ \& \ \forall y (\text{автор } \textit{Уэверли} (y) \supset x = y) \ \& \ x = \text{Скотт})$$

или так:

$$(1'') \exists x (\text{автор } \textit{Уэверли} (x) \ \& \ \forall y (\text{автор } \textit{Уэверли} (y) \supset x = y) \ \& \ \sim x = \text{Скотт}).$$

В данном случае в (1') отрицание имеет первичное вхождение, а в (1'') – вторичное. Ясно, что условия верификации (1') и (1'') различны.

Теперь обратимся к интерпретации, предложенной Е.В. Борисовым. Очевидно, что (2) не позволяет различать возможность первичного и вторичного вхождения отрицания. Здесь возникает вопрос: является ли эта позиция принципиальной? Если – да, то согласно интерпретации, представленной в (2), Е.В. Борисов отрицает необходимость различения между широкой и узкой сферой вхождения отрицания. Вернее, при таком подходе такое различие просто игнорируется, а все вхождения отрицания должны интерпретироваться как первичные. Но это явно не согласуется с позицией Б. Рассела, для которого широкая и узкая сфера действия логических констант имела принципиальное значение, в частности, для отрицания, как в приведённом выше примере с нынешнем королём Франции, а также для квантора существования, например, в вопросе об интерпретации замечания о величине яхты [2. С. 18], не говоря уже об интенциональных контекстах, связанных с сомнениями Георга IV [2. С. 18]. Важное значение такого различия признаёт и сам Е.В. Борисов в своих статьях, интерпретирующих шутку Рассела о величине яхты ([6] и [7]). Различие первичного и вторичного вхождения отрицания возможно только в том случае, если для высказываний вроде «Скотт является автором *Уэверли*» мы принимаем интерпретацию (1), т.е. различаем индивидуализирующее и реляционное тождество, принимая при этом, что вхождение реляционного тождества необходимо.

Остаётся, правда, проблема экзегетического характера, связанная с приведёнными выше двумя цитатами Б. Рассела из статьи «Об обозначении», одна из которых соответствует интерпретации (1), а другая – интерпретации (2). Относительно этого выскажем следующее соображение. Существование Скотта, как возможного автора *Уэверли*, сомнений не вызывает. Такой человек действительно был, и сомневаться в его существовании не имеет смысла. Когда определённая дескрипция относится к действительно существующему человеку, то вопрос о первичном и вторичном вхождении здесь, по видимому, не возникает. В этом случае подход Е.В. Борисова работает, и мы можем ограничиться только тем отрицанием, которое относится к широкой сфере. Возможно, Б. Рассел именно это и имел в виду, когда предлагал интерпретацию (2). В таком случае позиция Е.В. Борисова вполне обоснована. Но она связана с вполне определённой предпосылкой. Эта предпосылка основана на том, что если фраза не употребляется в качестве обозначающей

в расселовском смысле [2. С. 7], то она является непосредственным указанием на существующий объект. И это вполне допустимо в рамках сугубо семантических соображений, когда выражения различаются по тому, когда рассматривается исключительно тот способ, которым они соотносятся со своим предметным значением. Однако это соображение заходит достаточно далеко и не согласуется с текстом статьи Рассела, который просто отличает выражения с переменными от выражений без таковых.

В принципе, для того, чтобы ещё раз проиллюстрировать различие первичного и вторичного вхождения отрицания, пример со Скоттом как автором *Уэверли* можно несколько модифицировать, рассмотрев высказывание, где говорится не о Скотте, а о другом возможном авторе. Рассмотрим следующее высказывание: «Джек не является автором *Уэверли*». Здесь относительно Джека нам не известно, существует ли он. Поэтому различие первичного и вторичного вхождения отрицания при интерпретации данной фразы представляется вполне оправданным. Джек не только может не являться автором *Уэверли*, он вообще может не существовать. Стало быть, верификация этой фразы может основываться не только на том, что Джек не написал этого произведения, но и на том, что никакого Джека вообще не было и нет. Таким образом, в общем случае подход Е.В. Борисова, выраженный в (2), не работает, если мы всё-таки, вслед за Б. Расселом, стремимся сохранить различия первичного и вторичного вхождения логических констант.

Выводы из вышеизложенного следующие:

1. Интерпретация Е.В. Борисова, представленная в виде (2), является частной и относится только к тому случаю, когда игнорируется различие между первичным и вторичным вхождением логических констант;

2. Для взглядов Б. Рассела периода статьи «Об обозначении» такое различие является крайне важным, а значит, интерпретация Е.В. Борисова искажает представленные в этой статье взгляды;

3. Реляционное тождество, как его называет Е.В. Борисов, противопоставляя индивидуализирующему тождеству, не может быть редуцировано в контекстах вроде (1) без того, чтобы не устранить различие первичного и вторичного вхождения логических констант;

4. Первые три пункта, следовательно, подтверждают мой тезис, высказанный в [3], о том, что реляционное тождество, вопреки мнению Е.В. Борисова, всё-таки «присутствует в предложениях указанной формы существенным образом».

Вполне возможно, что подход к интерпретации сингулярных обозначающих фраз, выраженный в (1), т.е. тот подход, который предполагает существенность реляционного тождества, связан с преимуществами унификации рассмотрения определённых дескрипций в разных контекстах. Вполне возможно и то, что редукция такого тождества в некоторых контекстах, как считает Е.В. Борисов, предоставляет преимущество, связанное с экономией выразительных средств, как в (2). Однако если необходимо сохранить различие, принимаемое Б. Расселом относительно первичного и вторичного вхождения логических констант, это можно сделать только при условии, что реляционное тождество всё-таки является необходимой частью, участвующей при интерпретации определённых дескрипций.

Литература

1. Борисов Е.В. О двух интерпретациях определённых дескрипций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2(26). С. 202–209.
 2. Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 7–22.
 3. Суровцев В.А. Что же желал знать Георг IV? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 190–201.
 4. Kripke S. Russell's Notion of Scope // *Mind*, 2005. Vol. 114, № 456. P. 1005–1037.
 5. Суровцев В.А. Шутка Б. Рассела о величине яхты и некоторые замечания о семантике компаративных предикатов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 226–233.
 6. Борисов Е.В. О семантике компаративных предикатов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 219–225.
 7. Борисов Е.В. О семантике компаративных предикатов II // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 208–214.
- Surovtsev Valeriy A.** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
DOI 10.17223/1998863X/30/24

ON THE POSSIBILITY OF THE TWO INTERPRETATIONS OF DEFINITE DESCRIPTIONS

Keywords: definite description, negation, singular term, predicate, identity, Russell, Borisov.

The subject of the paper is the problem of the two various interpretations of definite descriptions as it is presented in the article of E.V. Borisov "On Two Interpretations of Definite Descriptions". In this article definite descriptions are considered both as singular terms and individuating predicates. From the point of view of E.V. Borisov these interpretations demand to interpret the sentence copula as expressing the identity or the subject-predicate relation. The possibilities of such approach are analyzed in the paper. It is proved, that approach of E.V. Borisov is possible only under the condition of ignoring of the distinction between primary and secondary occurrence of logical constants, which denotation phrases contain. It is proved that the relational understanding of the copula is not removable generally, if it is necessary to keep distinction between primary and secondary occurrence of logic constants in the statements which are used definite descriptions.

References

1. Borisov, E.V. (2014) On two interpretations of definite descriptions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (26). pp. 202-209. (In Russian).
2. Russel, B. (2002) *Ob oboznachenii* [On definition]. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Yazyk, istina, su-shchestvovanie* [Language, Truth, Existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7-22.
3. Surovtsev, V.A. (2014) What did George IV want to know? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (26). pp. 190-201. (In Russian).
4. Kripke, S. (2005) Russell's Notion of Scope. *Mind*. 114 (456). pp. 1005-1037. DOI: 10.1093/mind/fzi1005
5. Surovtsev, V.A. (2014) Shutka B. The joke about size of yacht by B. Russell and some remarks on semantics of comparative predicates. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (22). pp. 226-233. (In Russian).
6. Borisov, E.V. (2013) On semantics of comparative predicates. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (22). pp. 219-225. (In Russian).
7. Borisov, E.V. (2015) On semantics of comparative predicates. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(30). pp.*****. (In Russian).